

СНЕЖНЫЕ КРИСТАЛЛЫ АНАТОЛИЙСКОГО ЮГА

В последний воскресный день ярмарки в церкви Святого Павла, известной тем, что в ней заседал первый парламент, была вручена ежегодная премия Friedenspreis (25 тыс. евро фонда Книжной торговли). На сей раз ее получил Орхан Памук (Турция), которому «воздана честь как тому, кто, как никто другой, исследует исторические следы Запада на Востоке и ведет к такому пониманию культуры, которое основано только на знании и уважении к другому. Ему удалось создать произведение, в котором сходятся Европа и исламская Турция. В своих романах, таких как 'Белая крепость' или 'Снег', он объединяет восточную традицию рассказа со стилевыми элементами западного модерна и разрабатывает понятия и образы, которые использует наше общество в Европе, понятой не в узком смысле».

Эта проза переведена на тридцать четыре языка и опубликована более чем в ста странах. Призы в области литературы получены писателем уже за первые романы начала 80-х годов. Международное признание пришло с романами 90-х. «Kar» («Снег» (2002), немецкое издание 2005) – роман о поэте, путешествовавшем по южной Анатолии и написавшем цикл стихов в форме снежных кристаллов, – «New York Times» назвала лучшей иностранной книгой 2004 года.

Отягощенные купленными книгами, нагруженные подаренными изданиями, буклетами, значками, сумками, панно и проч., утомленные и утолившие свою страсть к статистическим данным, посетители покидали выставку в уверенности, что познакомились с новинками книжной индустрии, и в надежде, что у них достанет времени читать.

Ценность политического

Беседа с рабочей группой издательства «Праксис»

■ **Синий Диван:** *Налицо достаточно большое разнообразие издаваемых Вами авторов и текстов. Хотелось бы узнать, какая концепция лежит в основе этого разнообразия и где можно в нем найти какие-то единства.*

■ **Иван Фомин:** В нашем случае, отвечая на вопрос о концепции, имеет смысл коротко коснуться истории издательства. Оно было создано в конце 2000 года силами четырех человек. Это Максим Фетисов, Тимофей Дмитриев, Иван Фомин и Антон Наумук, который сейчас принимает уже менее активное участие его в деятельности. Во многом созданию издательства способствовала деятельность «Логоса» и «Гнозиса», поскольку все участники нашего издательства имели в той или иной степени отношение к ним (мы все были лично знакомы гораздо раньше, но более тесное взаимодействие между нами намечилось именно в рамках работы с этими издательствами). Однако нас не все устраивало в их работе: и в плане организации издательского процесса, и в плане подбора литературы, поэтому к 2000 году у нас созрело решение создать свое издательство. Тем не менее, первые изданные нами книги были сделаны совместно с издательством «Логос».

Если попытаться коротко сформулировать основные различия между нами и «Логосом», то можно сказать, что мы, так же

как и они, изначально хотели издавать философскую литературу (а также литературу социологическую и литературу по политической теории), но так, чтобы в гораздо большей степени представлять ее общественно-политический контекст. Возможно, на наше настроение повлияло то, что мы все в большей степени были вовлечены в изучение именно политической философии, а где-то – даже в политику (а именно в политические процессы, которые имели место в конце 90-х годов). Соответственно мы хотели быть задействованными не только в теоретической сфере, но и в общественно-политической. Это с одной стороны. С другой – мы понимали огромное значение результатов того пути, который проделали к тому времени такие известные тогда гуманитарные издательства, как, например, «Логос» или «Ad Marginem». И соответственно у нас родилась идея создать издательство, которое сохранило бы все лучшее, что было ими достигнуто, но при этом выпускало бы книги, изначально обращенные к более широкому кругу читателей – и на уровне содержания, и на уровне типографского исполнения, – нежели те, которые выпускали они. Именно на этой базе мы решили объединить свои усилия в рамках нового издательства.

Другой разграничительной линией, по ту сторону которой мы и объединились, была одна общая для того времени идея. Что бы там сегодня, да и в то время, ни говорили те, кто занимался и занимается издательской деятельностью, совершенно очевидно, что идеологическим фундаментом существовавших в 90-е годы издательств были либерально-демократические ценности, от имени которых ими так или иначе осуществлялась борьба с «тоталитарной идеей», с которой отождествлялся советский строй. В этом заключался в их понимании «прорыв к свободе». Мы же никогда не отказывались ни от советского наследия, ни от традиции лево-ориентированной мысли, – что и послужило для нас фундаментом для сближения и объединения усилий.

■ **Тимофей Дмитриев:** В подборе авторов и текстов для нашего издательства мы исходно придерживались ориентира, который можно было бы обозначить как «актуальная общественно-политическая литература» – как прикладного, так и теоретического характера. В то

же самое время мы пытались уйти от того, чтобы однозначно помещать себя в какую-то одну из герметических ниш, что очень свойственно гуманитарным издательствам в условиях современного рынка. Таким образом, при всех вышеобозначенных общих ориентирах мы считали, что основной курс, тем не менее, нужно держать на издание качественной переводной литературы. Соответственно, деятельность издательства имела две основные черты. С одной стороны, мы издавали классику, то есть какие-то тексты представлявшиеся нам серьезными и признанными авторов, которые по тем или иным причинам были не представлены на русском языке (так появился, например, проект издания политических работ М. Вебера, так возникла идея издания собрания политических сочинений М. Фуко). А с другой – не желая, как я говорил, замыкаться в одной нише, авторов, принадлежащих не только левой традиции, но и совершенно другим течениям политической мысли, таких как, например, О. Шпенглер, Э. Юнгер, Р. Арон, Н. Луман и т.п. В этом смысле наша стратегия была не то чтобы академической, но по крайней мере нацеленной на то, чтобы представить некоторую палитру взглядов, подходов, установок политической мысли. Идеи представлять только одну идеологическую позицию у нас не было. И с моей личной точки зрения, эта стратегия оказалась совершенно оправданной, потому что за время существования нашего издательства (а в декабре прошлого года исполнилось пять лет со дня его рождения) у него сложился круг таких авторов, переводчиков и читателей, слаженное взаимодействие между которыми не могло бы произойти без нашего участия. То есть благодаря осуществленной нами «диверсификации взглядов» мы обрели более широкое поле контактов и более широкую аудиторию.

■ **И. Ф.:** Можно сказать, что сознательный отказ от ограничения себя какой-то одной идеологической установкой и от присоединения к какой-нибудь из существовавших на момент возникновения издательства политических партий или интеллектуальных «группировок» был одним из существенных мотивов нашей деятельности. Дело в том, что нас объединяло понимание того, что на тот момент никакой осознанный выбор в политическом поле не может быть осуществлен постольку, поскольку в научном поле *серьезная акту-*

альная политическая мысль не была представлена у нас даже на двадцать процентов. Поэтому основной задачей представлялось именно это – дать возможность нашему читателю с ней познакомиться.

■ **С. Д.:** *Можно ли исходя из этого однозначно утверждать, что, таким образом, Вы ставили перед собой исключительно просветительскую задачу? Или помимо нее в Вашей деятельности были и какие-то иные аспекты?*

■ **Максим Фетисов:** Безусловно, просвещение было для нас очень существенно, поскольку мы считали, что как область практической политики, так и сфера политической теории не то что даже не заполнены – они просто не сформированы. И эта ситуация на сегодняшний день, к сожалению, не сильно изменилась.

Тем не менее, другой аспект тоже существует. Прежде всего в том смысле, в каком нами была предпринята попытка сформировать некоторую независимую линию поведения на издательском рынке. В конце 90-х та ниша, которую можно было бы назвать политической теорией, на нем практически отсутствовала. Поэтому мы ставили задачу ее создать в рамках независимого издательства. И тем самым речь шла о создании возможности выражать независимую позицию в условиях навязывающего свои правила игры рынка.

■ **С. Д.:** *На ваш взгляд, вам удалось осуществить эту часть своего замысла?*

■ **И. Ф.:** Мне кажется, да. По крайней мере, могу с полной ответственностью утверждать, что в выборе литературы нас никто и ничто не связывает. Здесь нужно правильно это понять: естественно, мы не отказываемся от того, чтобы зарабатывать деньги, но в стратегическом плане, как бы громко это ни звучало, мы не продаемся. То есть мы можем даже провести какую-то рекламную кампанию, но это никак не скажется на нашей издательской политике. Косвенным свидетельством того, что за нами не стоит никакой группировки – ни политической, ни интеллектуальной, – может служить то, что за все время нашей издательской деятельности ни одна из наших книг не получила ни какой-либо премии, ни символического признания в медиа.

■ **Т. Д.:** В то же время автономность нашей позиции никоим образом не исключает постоянных консультаций с ведущими специалистами в области, например, социально-политического знания относительно наших издательских программ, планов и т.п.

■ **С. Д.:** *В ряду изданных вами книг одна, как представляется, по разным причинам занимает особое положение: я имею в виду книгу А. Негри и М. Хардта «Империя». Не могли бы вы раскрыть те мотивы, которые побудили вас издать ее русский перевод, и передать ваши впечатления по поводу произведенного ею резонанса?*

■ **М. Ф.:** Что касается мотивов, то они достаточно просты и банальны. Во-первых, это обычная издательская конъюнктура: вокруг этой книги уже на тот момент было слишком много шума (все эти многочисленные статьи в «Нью-Йорк Таймс» и прочих СМИ), так что не услышать его было просто невозможно. Другим мотивом, возникшим уже чуть позже, в процессе работы, было желание представить совершенно новый для нас тип мысли, концентрирующийся вокруг такой весьма неоднозначной фигуры, как А. Негри.

Что же касается реакции на это издание, то эта история представляется весьма показательной для нашей современной интеллектуальной ситуации. Сначала эта реакция напоминала западную (не в тех масштабах, конечно). Я имею в виду то, что первые отклики пришли из глянцевого и делового изданий типа «Афиши», «Эксперта» или «Ведомостей» (с некоторой долей иронии можно сказать, что тут Империя – уже без кавычек – сыграла на опережение...). Но это все не так важно. Важнее реакция интеллектуалов, которая оказалась весьма и весьма вялой. И это при том, что на Западе по этому поводу сложилась целая интеллектуальная индустрия: вышло несколько книг, не говоря уже о бесчисленных статьях, семинарах и т.п. Наберите ключевые слова в любом поисковике. У нас же – практически ничего, если не считать реферата Дугина в «Независимой газете» (кстати, достаточно неплохого именно в качестве реферата) и ожидаемой ругани, состоящей из обвинений в ренегатстве, «постмодернизме» и т.д., исходящей от людей, которые привыкли «представлять» у нас левых. Ну, они всё для себя давно поняли, поэтому тут вдаваться в подробности тоже большого

смысла нет. Еще в вашем издании была попытка начать действительно серьезный разговор. И все. Я понимаю, конечно, что у нас и масштабы не те, и ситуация иная, но все же... Заговора молчания тут, конечно, никакого нет, скорее это просто отражает общее состояние нашего интеллектуального поля.

■ С. Д.: *Так получилось, что до сих пор вы представляли издательство в большей степени как бы с исторической точки зрения, в перспективе прошлого. Хотелось бы попросить вас рассказать о нем в перспективе будущего, исходя из сегодняшнего момента. В частности, вот в каком аспекте. Вы говорили, что, задумывая создать издательство в конце 90-х годов, вы определенным образом учитывали расклад политических сил – не в смысле политических партий, а в смысле определенного соотношения правого и левого, либерально-демократического и коммунистического, старого и нового... Очевидно, что сегодня конstellация сил существенно иная. Учитываете ли вы произошедшие изменения в своих планах и стратегических расчетах на будущее? И если да, то в каком смысле? В частности, каково ваше отношение ко все увеличивающемуся в интеллектуальной и около-интеллектуальной среде запросу, даже некоторой моде, на политическую позицию (с одной стороны, право-консервативную, с другой – леворадикальную)?*

■ М. Ф.: С некоторой долей иронии – и самоиронии – можно сказать, что мы стояли у истоков этой моды, особенно в том, что касается левой позиции (хотя в той же мере это относится и к правой), потому что уже тогда мы понимали, что подобный запрос рано или поздно возникнет.

■ И. Ф.: Но, если говорить о левой позиции в том виде, в каком мы ее наблюдаем сегодня, я лично могу сказать, что являюсь ее противником. Попытаюсь объяснить почему. Дело в том, что та левая традиция, сторонниками которой мы являлись в конце 90-х перед лицом либерально-демократической волны, существенно от нее отличается: она основана на традиции новоевропейской рационалистической философии, проходящей через Гегеля и Маркса, а в XX веке – Лукача и отчасти Кожева. В конце XIX – начале XX века эта традиция с научной точки зрения была одной из самых теоретически развитых. Поэтому можно сказать, что пре-

тензии тогдашних левых на власть были теоретически обоснованы практически со всех точек зрения: политической, экономической и т.д.

Конечно, скорее всего крах советского проекта, который произошел в 90-е годы, был неизбежен. Более того, пути обратно нет. Неудача всех попыток КПРФ вернуться в прошлое или по крайней мере его спасти это доказывает. И еще тогда, в 90-е, мы понимали, что, выражаясь марксистским языком, нужно искать новые основания для нового синтеза, но синтез должен быть другой и составляющие должны быть другие. Несмотря на это, мы продолжали и продолжаем думать, что сам проект был теоретически серьезно обоснованным, и в этом смысле являемся его сторонниками.

Тот «левый поворот», который наблюдается сегодня, – это, на мой взгляд, продукт полного теоретического бессилия, полного отказа от осмысления общественно-политической реальности. И здесь, я считаю, приложили руку прежде всего французские интеллектуалы: именно их критика дискредитировала такой мощный теоретический механизм, как марксизм; именно под ее воздействием в умах поселилась идея, что любое рациональное действие, любая попытка осмысления – это ошибка, глупость и т.п. Станным образом современному левому движению свойствен отказ от попытки рационального осмысления действительности и от идеи как-то существенно на нее воздействовать. И все это вылилось в то, что левые занимаются частичными действиями: защитой прав социальных меньшинств, защитой прав животных, – а предметом левой мысли становятся такие необъяснимые с рациональной точки зрения вещи, как, например, вегетарианство, отказ от охоты, и т.п. Фактически «левое» сегодня – это то, что Гегель называл страданием прекрасной (или несчастной) души.

■ Т. Д.: Если рассматривать современную российскую ситуацию с этой точки зрения, то здесь нужно выделить два важных компонента. С одной стороны, в последние годы в среде интеллигенции наблюдается явный сдвиг влево – это выражается в общем умонастроении, в отношении к текущим событиям, в более позитивной, чем раньше, оценке советского проекта. В этом смысле налицо запрос на левую позицию. Но главная проблема, на мой взгляд, состо-

ит в том, что та интеллектуальная и организационная среда, которая пытается этот запрос аккумулировать и артикулировать, в современных российских условиях является совершенно неадекватной этим общим умонастроениям. Причин тому множество. Часть из них носит глобальный характер – ведь во всем мире левые до сих пор не оправались от того интеллектуального и морального шока, который они испытали в связи с неоконсервативной волной на Западе в 80-е годы и крахом советского социализма в 90-е. Есть и причины, связанные со спецификой российской ситуации: ведь люди, которые претендуют на интеллектуальное лидерство в рамках различных левых течений, чаще всего организационно беспомощны (что связано с высокой конкуренцией в этой среде и немногочисленностью аудитории, за которую им приходится бороться). И отдельная проблема – это соотношение этих двух причин: вопроса, в каком состоянии находится левая мысль в Европе и Америке, и вопроса, в каком виде и кем она транслируется нам сюда (ведь наши каналы этой трансляции являются очень специфическими). Весь этот комплекс проблем создает серьезные затруднения для того, чтобы витающее в умах «левое настроение» обрело свое место в рамках какого-то более или менее организованного поля интеллектуального производства.

Мы непосредственно ощущаем это и в нашей издательской деятельности: с одной стороны, совершенно очевиден рост спроса на литературу, связанную с левой тематикой, а с другой – остается совершенно непонятным, какой эффект она производит – даже в той среде, на которую по идее рассчитана.

■ С. Д.: Видите ли вы здесь какое-то поле для собственной деятельности?

■ Т. Д.: Да, пожалуй. В перспективе мы ставим для себя задачу найти способ представить точки схождения идей и их восприятия – проще говоря, понять то, как издаваемая нами литература воспринимается в обществе.

■ И. Ф.: Это действительно является одной из наших серьезных тактических задач, поскольку проблема обратной связи – это очень важная проблема. И ее нужно как-то решать. Скорее всего, это невозможно сделать в рамках одного книгоиздательского про-

екта, поэтому вот уже некоторое время у нас обсуждается вопрос о каком-то периодическом издании. Но он, к сожалению, пока еще никак не решен, поскольку здесь есть множество своих подводных камней. В рамках проблемы обратной связи также обсуждается возможность проведения круглых столов или семинаров.

Но самой главной стратегической задачей нашей издательской политики по-прежнему остается *возвращение к основаниям* как левой, так и правой позиции и издание серьезной литературы по *политической теории*. Можно сказать, что мы пытаемся собрать все то ценное, что есть в самой *политической мысли* – и правой и левой. И эту тенденцию мы собираемся расширять и углублять. Именно с этим связаны наши ближайшие планы, в которые входит расширение как нашего экспертного сообщества (куда нам очень бы хотелось привлечь зарубежных представителей политической мысли), так и круга наших авторов (в который мы собираемся активно привлекать отечественных мыслителей) и переводчиков.

■ С. Д.: Какие книги Вы планируете издать в ближайшее время?

■ Т. Д.: В ближайшее время мы собираемся выпустить две книги А. Кожева: одна – это сборник статей, основанный на его недавно найденной рукописи под названием «Атеизм», написание которой датируется 1931 годом; другая – это тоже рукопись, датированная 1942 годом, под названием «Понятие власти». Весной у нас выйдет «Политический романтизм» К. Шмитта, сборник статей Л. Альтюссера «За Маркса». Чуть позже планируется выход книги Ж. Рансьера «На краю политического».

■ М. Ф.: Есть также проект нового, оснащенного научным аппаратом, издания книги Д. Лукача «История и классовое сознание» в новом переводе С. Поцелуева, в которое предполагается включить ряд дополнительных материалов, на наш взгляд весьма важных для понимания этого текста, а именно двух небольших работ самого Лукача – «Тезисы Блюма» и «Хвостизм и диалектика», – а также специально написанного послесловия Жижекка.

■ Т. Д.: К числу находящихся в работе проектов относится также четвертый том сочинений М. Фуко, в котором будут собраны

тексты, посвященные проблеме метода социального и гуманитарного знания. Кроме того, мы планируем начать издавать серию небольших книг, представляющих собой введение в основные понятия современной социальной и политической теории, например, «Справедливость», «Равенство», «Свобода», «Насилие». Это будет переводная серия, созданная на основе различных книжных серий, выходящих в западных издательствах, где издаются подобные работы крупных представителей западной политической мысли. Могу сказать, что, как правило, в тех книгах, на которых эта серия будет базироваться, с одной стороны, раскрывается историческая генеалогия того или иного понятия, с другой – фиксируется его статус в современной политической теории, и одновременно оно экстраполируется на современное положение дел в мире. Такому же принципу мы будем следовать в издании книг этой серии.

■ С. Д.: *Спасибо за содержательную и плодотворную беседу.*

■ И. Ф.: Спасибо вам, что проявили неподдельный интерес к нашей деятельности.

IV